

СВ : НСВ от других грамматических оппозиций в глаголе и от оппозиции способов действия, так и в максимальной степени регулярности морфологического механизма видовой корреляции.

6. Возникновение категории совершенного/несовершенного вида*

Проблема генезиса славянского глагольного вида охватывает по меньшей мере два относительно самостоятельных круга вопросов. В первый круг входят вопросы, касающиеся индоевропейской системы презентных, аористических и перфектных основ и ее соотношения с системой славянского глагола. Второй круг составляют вопросы, относящиеся к первоначальным функциям и к дальнейшей эволюции функций глагольной префиксации и суффиксации, т. е. тех формальных приемов, которые оказываются продуктивными в морфологическом механизме СВ и НСВ в качестве средств так называемой перфективации и имперфективации. Представляется, что современное состояние исторических исследований в большей мере благоприятствует разработке второго круга вопросов. Именно по этому пути пошли Н. ван Вейк, К. Й. Ренгнелль, В. В. Бородич¹⁷³. Однако вывод, к которому приходят названные и некоторые другие ученые¹⁷⁴, — тезис о возникновении славянских видов

* Первоначально опубликовано на немецком языке под названием «Zur Entstehungsgeschichte des slavischen Verbalaspektes» в «Zeitschrift für Slawistik» (ГДР). 1959. Bd. 4. S. 560—568. — В русском варианте сделаны некоторые сокращения и несколько мелких поправок, а также добавлены примеч. 182 и 184 и ссылки на русские переводы упоминаемых работ зарубежных авторов.

¹⁷³ Ср.: van Wijk N. 1) Sur l'origine des aspects du verbe slave // Revue des études slaves. 1929. T. 9. P. 237—252 (рус. пер.: Ван-Вейк Н. О происхождении видов славянского глагола // Вопросы глагольного вида. С. 238—257); 2) Zur Vorgeschichte der slavischen Aspekte // Indogermanische Forschungen. 1935. Bd. 53. S. 196—206; Regnéll C. G. Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes. Lund, 1944; Бородич В. В. 1) К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках // Вопр. языкознания. 1953. № 6. С. 68—86; 2) К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. 1954. Т. 9. С. 50—138.

¹⁷⁴ Ср.: Němec I. Genese slovanského systému vidového. Praha, 1958 (резюме этого исследования в русском переводе см.: Немец И. Генезис славянской видовой системы // Вопросы глагольного вида. С. 265—275).

на базе категории «детерминативности» (у В. В. Бородич — «определенности») — не может быть принят без существенных модификаций.

Уже с самого начала противопоставление «детерминативность/индетерминативность» (Д/ИД) являлось несколько расплывчатым, так как оно охватывало не только оппозицию славянских «определенных» и «неопределенных» глаголов движения (*nesti* : *nositi*, *letěti* : *lětati* и т. д.) вместе с аналогичными оппозициями в неславянских языках (греч. *φέρω* : *φορῶ* и т. д.), но, кроме того, еще и противопоставление глаголов с приставками соответствующим глаголам без приставок. В. В. Бородич пошла еще дальше, распространив понятия «определенность» и «неопределенность» на оппозицию действие : состояние (*sěsti* : *sěděti*) и даже на оппозицию славянских форм простого прошедшего времени — аориста и имперфекта.

К. Й. Ренгнелль, а затем И. Немец, пытаясь уточнить понятия Д и ИД, говорят о различии маркированных и немаркированных образований. Соответственно они выделяют не две, а три группы глаголов: 1) маркированно детерминативных, 2) маркированно индетерминативных и 3) немаркированных по признаку Д/ИД и тем самым способных употребляться и в том и в другом значении. Согласно И. Немцу, первая группа представлена основами с назальным суффиксом (*svyt-ne-tь*) и основами с приставкой (*vъz-mošti*, *u-mľčati* и т. п.), вторая — суффиксальными основами вроде *nos-i-ti*, *pad-a-ti*, *sěd-ě-ti*, а третья охватывает все основы без приставки и суффикса, включая и такие, как *nesti* (тип, считавшийся, так сказать, образцом «определенного» значения) и *pasti*, *padq* (тип, ставший в историческую эпоху преимущественно или исключительно перфективным). Из дальнейших разъяснений И. Немца вытекает, что не только глаголы третьей группы, но и вообще любой глагол, употребленный в значении многократности или в потенциальном значении, становится индетерминативным. Это относится даже к формам СВ в таких примерах, как чеш. *Do nádoby (se) vejdou 3 litry* 'В сосуд войдет 3 литра'¹⁷⁵. Как видим, только что уточненные понятия снова расширяются и теряют четкие контуры.

Неудивительно, что расплывчатость категории Д/ИД дала повод к критическим замечаниям. Так, А. Вайан в противоположность Н. ван Вейку подчеркнул, что отношение *φέρω* : *φορῶ* (или лит.: *klùpti* : *klùpoti* и т. д.) не имеет ничего общего с отношением «глагол с

¹⁷⁵ Ibid. P. 23.

приставкой : глагол без приставки», например, ἀναφέρω : φέρω, *iz-klùpti* : *klùpti* и т. д.¹⁷⁶

Но особенно следует отметить то обстоятельство, что теория происхождения славянского вида на базе категории детерминативности выводит все наличные морфологические типы «видовых пар» только из одной корреляции. Тем самым не учитываются важнейшие различия, существующие между разными морфологическими типами и прежде всего — между двумя главными: 1) типом, основанным на имперфективации (рус. *дать* : *давать*, *прочитать* : *прочитывать*), и 2) типом, связанным с так называемой перфективацией (рус. *писать* : *написать*, *колоть* : *кольнуть*). Существеннейший факт формальной неоднородности системы СВ/НСВ, говорящий о гетерогенности составных частей этой системы, остается вне поля зрения исследователя. Функциональное единство различных морфологических типов, сложившееся лишь в процессе формирования грамматической категории вида, механически переносится в более раннюю эпоху, когда оппозиции СВ : НСВ еще не было. Это смещает историческую перспективу и лишает нас возможности проследить становление «нового качества», т. е. увидеть как единая грамматическая категория постепенно складывалась из взаимодействия нескольких — по меньшей мере двух разных лексико-грамматических категорий, очевидно, в свою очередь, сложившихся на предыдущем этапе из еще большего количества более частных «способов действия». Указанный недостаток рассматриваемой теории происхождения славянского вида также уже был предметом справедливой критики¹⁷⁷.

Если, исследуя генезис категории СВ/НСВ, всерьез учитывать реальное многообразие ее морфологического механизма, то придется отказаться от приведения всех типов «видовых пар» к одному общему знаменателю. Представляется, что суффиксальная имперфективация, с одной стороны, и так называемая перфективация (посредством приставок или назального суффикса) — с другой, восходят к двум разным, изначально не связанным корреляциям, ошибочно объединенным в понятии Д/ИД. Задача состоит в

¹⁷⁶ Vaillant A. L'aspect verbal du slave commun; sa morphologisation // *Revue des études slaves*. 1939. Т. 19. Р. 294 е. а.

¹⁷⁷ Ср. ответ А. Достала на вопрос № 14 (Каково было видовое значение глагольных основ в праславянском языке?) в кн.: *Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV международному съезду славистов)*. М., 1958. С. 98—99 (см. рус. пер. в кн.: *Вопросы глагольного вида*. С. 276—279).

том, чтобы четко разграничить эти две корреляции, в частности и терминологически. За одной из них, корреляцией *nesti : nositi* и т. д., целесообразно закрепить принятый по отношению к славянским глаголам движения термин «определенность/неопределенность» (О/НО) или, если угодно, его международный дублет Д/ИД. Другую же корреляцию (приставочный глагол : глагол без приставки) целесообразно называть, опираясь на словоупотребление ряда советских германистов¹⁷⁸, корреляцией предельности/непредельности (П/НП), а в международной терминологии — терминативности /атерминативности. Обе корреляции играли важную (но существенно различную) роль в становлении оппозиции СВ : НСВ.

В корреляции О/НО противопоставлено «конкретное» и «отвлеченное» действие — приблизительно в том смысле, который придавал этим терминам А. А. Потебня¹⁷⁹: конкретным является определенное, относительно простое, единичное, разовое действие, отвлеченным — действие сложное, многократно повторяющееся, обобщенное, обычное или только возможное, одним словом — неопределенное, порой даже одна лишь способность субъекта к выполнению действия. Корреляция О/НО представлена кроме глаголов движения славянских (и некоторых неславянских) языков такими парами, как рус. *слышать : слыхать, видеть : видать*, и — с более специальным оттенком значения — такими, как *быть : бывать, ел : едал, сидел : сиживал* и т. д. Возможно, именно выступающее во вторых членах этих последних пар значение итеративности, многократности, а также и значение особой интенсивности действия¹⁸⁰, играло в комплексе НО несколько бóльшую роль, чем принято думать. В ходе дальнейшего исследования внутри группы неопределенных глаголов можно будет выделить ряд более дробных способов действия. Но важно, что во всех случаях распределение положительного и отрицательного члена противопоставления является оди-

¹⁷⁸ Ср.: *Воронцова Г. Н.* О лексическом характере глагола в английском языке // Ин. яз. в школе. 1948. № 1. С. 19—31; *Москальская О. И.* Грамматика немецкого языка. М., 1956. С. 230 и сл.; *Иванова И. П.* К вопросу о типах грамматического значения // Вестник Ленингр. ун-та. 1956. № 2. С. 105—116.

¹⁷⁹ Ср.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 4. М.; Л., 1941. С. 47, 77 и сл.

¹⁸⁰ Ср.: *Machek V.* Sur l'origine des aspects verbaux en slave // IV международный съезд славистов. Славянская филология. Сборник статей, III. М., 1958. С. 38—50; *Кошелев А. К.* К вопросу о создании типов первоначальной парности по виду в древнерусском языке // Вестник Моск. ун-та. 1958. № 2. С. 3—39.

наковым: положительным (формально маркированным и семантически интенсивным) членом везде оказывается неопределенный (или итеративный) глагол.

Содержание корреляции П/НП — совершенно другое. Здесь *principium divisionis* состоит в наличии/отсутствии предела, границы действия, и направленности/ненаправленности действия к этой границе. Во многих неславянских индоевропейских языках данная корреляция выступает как противостояние (1) глагола с приставкой и без приставки или (2) глагола с назальным аффиксом и без такого аффикса. Ср. (1) нем. *gefrieren* 'замерзать, переходить из жидкого в состояние твердого тела': *frieren* 'мерзнуть, испытывать чувство холода', *aufwachsen* 'вырастать', или *verwachsen* 'срастаться': *wachsen* 'расти'¹⁸¹; (2) др.-исл. *sofna* 'засыпать': *sofa* 'спать'. И здесь вполне возможно выделение внутри предельных глаголов более дробных способов действия (результативного, инхоативного и т. д.), но все они объединяются в том отношении, что в качестве положительного (маркированного и интенсивного) члена везде выступает предельный глагол. Кроме того, есть еще некоторое количество «нехарактеризованных» (корневых) предельных глаголов, которые уже по своему лексическому значению тяготеют к предельности и обычно не имеют непредельных противочленов (нем. *geben* 'давать', *kommen* 'приходить', *werfen* 'бросать', *sterben* 'умирать', лат. *do* 'даю', *venio* 'прихожу' и т. д.).

В современных славянских языках древнее различие П/НП проявляется следующим образом: предельные глаголы имеют только перфективные формы (как рус. *закричать*) или же, чаще, формы для обоих видов (*вырасти/вырастать*, *дать/давать* и т. д.), отвечающие каждый раз единой, не дифференцируемой по виду форме неславянских языков (нем. соответственно *aufwachsen*, *geben*). Непредельные глаголы могут быть только имперфективными и образуют группу так называемых *imperfectiva tantum* (напр. *расти*, *спать*, *стоять* и т. д.)¹⁸².

В период, предшествующий возникновению СВ и НСВ, в праславянском языке, очевидно, функционировали обе рассматриваемые

¹⁸¹ Эти примеры, конечно, не означают, будто в немецком языке каждый глагол с приставкой предельен, а каждый без приставки — непредельен.

¹⁸² Основы многих НП-глаголов соединяются с приставками, но в результате всегда возникают не перфективные формы этих глаголов, а новые, обычно предельные глаголы или (с приставками *по-* и *про-* в значении «охвата длительности») — особые глаголы (*поспать*, *простоять*), не являющиеся предельными в точном смысле слова, хотя и функционирующие в совершенном виде.

корреляции. Они сосуществовали и взаимно перекрещивались. Соответственно в ту эпоху от некоторых глагольных корней образовывалось по четыре типа глаголов: 1) неопределенный определенный (например, *nesti*); 2) неопределенный неопределенный (*nositi*); 3) ряд предельных определенных, образованных с разными приставками (*u-*, *въ-*, *pri-nesti*); 4) ряд предельных неопределенных (*u-*, *въ-*, *pri-nositi*).

Различие между двумя последними типами глаголов, разумеется, было еще не видовым, не таким, как в современном русском языке между *внести* и *вносить*: древнейшее праслав. *въnesti* соответствовало по значению формам обоих противоположных видов, как это мы наблюдаем в отношении нем. *hereintragen*, т. е. оно могло обозначать целенаправленное разовое действие внесения, рассматриваемое как в его течении, так и в момент достижения результата, тогда как *въnositi* обозначало такое же целенаправленное действие, но как неопределенное, повторяющееся и т. д.

Конечно, все четыре типа образований были представлены лишь у небольшой части глагольных корней. Во многих случаях те или иные члены отношения отсутствовали, чаще всего — неопределенные глаголы. Свидетельство тому — позднее появление многих бесприставочных итеративов, а у ряда корней даже их полное отсутствие. По всей вероятности, в рассматриваемую эпоху еще не существовало глагола **birati*, как и приставочных **sъbirati*, **pribirati* и т. д. Вероятно, встречались случаи, когда отсутствовало образование с неопределенным значением, поскольку данному глагольному корню было наиболее свойственно значение предельности (ср. например, *padq*, *damъ*, как и их неопределенные соответствия *padajq*, *dajq*, тоже еще не имевшие позднейшего значения НСВ). Кроме того, даже при наличии всех четырех типов глаголов, немаркированные и экстенсивные члены корреляции могли в соответствующем контексте выступать вместо маркированных и интенсивных. Так, *nesti* с указанием цели (*domovi*, *въ domъ* и т. п.) получало предельное, а с указанием многократности (*često* и т. п.) неопределенное значение.

Как известно, ван-Вейк и его сторонники выводят славянский СВ в основном из «детерминатива», а славянский НСВ — из «индетерминатива». В ряде случаев, однако, эта схема не соответствует реальным фактам¹⁸³. Проводимое здесь разграничение двух отдельных

¹⁸³ В частности, остается неясным, почему большинство глаголов, являющихся наиболее типичными носителями значения «определенности» — *nesti*, *letěti* и т. д. — становятся в дальнейшем исключительно или преимущественно имперфективными (ср.: *Vaillant A. L'aspect verbal...* P. 249;

корреляций — П/НП и О/НО — позволяет предложить другое решение: так называемая перфективация восходит к положительному члену одной корреляции, именно к предельности, а имперфективация — к положительному члену другой корреляции, именно к неопределенности.

Базой возникновения СВ и НСВ были предельные глаголы, и в первую очередь глаголы результативного способа действия с приставками (тип *vъnesti, sьbьrati* и т. п.). Именно при использовании таких глаголов впервые возникает потребность в морфологическом, формальном разграничении двух главных заключенных в них значений — протекающего целенаправленного действия и момента достижения результата этого действия. Для осуществления такого формального разграничения привлекают имеющееся в языке готовое средство — модель, собственным назначением которой было выражать неопределенность и повторяемость действия, характеризуемого как предельное.

Во вторых членах пар типа *vъnesti : vъnositi, ulētēti : ulētati*, также *pasti : padati, dvignōti : dvidzati* и т. д. рядом с их старыми неопределенными и итеративными значениями развивается новое значение — значение протекающего разового (единичного) действия. Форма *vъnositi* значит в эту эпоху уже не только 'неопределенное количество раз внести' и т. п., но также и 'начать, но еще не закончить действие разового внесения, находиться в самом процессе этого действия, где-то в его середине, быть занятым внесением'. Там, где рядом с предельным глаголом не было готового неопределенного, прибегают к образованию по аналогии. Опорой ее служат основы, расширенные суффиксом *-a-*, т. е. *ulētati, padati* и т. д. Так, рядом с *sьbьrati* образу-

Достал А. Каково было видовое значение... С. 98; *Kölln H.* 1) *Vidové problémy v staroslověňštině* // *Universitas Carolina. Philologica.* 1957. Vol. 3. N 1. P. 83; 2) *Die Entstehung des slavischen Verbalaspektes* // *Scando-Slavica.* 1958. T. 4. S. 308). Среди глаголов этой группы только *iti, běžati* и *vidēti* выступают в некоторых современных славянских языках с двойственным видовым значением (болг. *видя* даже преимущественно перфективно). Хотя в древности колебания видового значения или видовая недифференцированность встречались в глаголах этой группы чаще (см.: *Ruzicka R.* *Der Verbalaspekt in der altrussischen Nestorchronik.* Berlin, 1957. S. 15—23, 42—47, а также: *Ружичка Р.* Глагольный вид в «Повести временных лет» // *Вопросы глагольного вида.* С. 308—319), не подлежит сомнению, что вся эта группа, в общем, больше тяготеет к НСВ, чем к СВ, а это, конечно, противоречит построениям ван Вейка и его последователей.

ется *sъbirati*, рядом с *priložiti* — *prilagati* и т. д., независимо от того, существовали или (что более вероятно) не существовали бесприставочные **birati*, **lagati* и т. д. Старое значение основ на *-a-* превращается во «внутреннюю форму», в способ представления нового значения. Такое образование, как *sъbirajetъ*, которое должно было бы значить 'он обычно (часто и т. п.) собирает' или 'он несколько раз собрал и несколько раз соберет', уже с момента своего возникновения получает «переносное» значение 'он начал собирать, но еще не закончил, он как раз собирает'.

Подобно таким оборотам, как нем. *er ist beim Sammeln, er ist im Sammeln begriffen* (или франц. *il est en train de ramasser*, швед. *han håller på att samla, han håller på och samlar* и т. п.) 'он занят собиранием', форма *sъbirajetъ* служила для особого, можно сказать, эмфатического подчеркивания значения протекания, значения занятости субъекта соответствующим действием. Но славянская форма сохраняла при этом и свое «прямое» значение итеративности, потенциальности, вообще «неактуальности», неконкретности действия — значение, чуждое упомянутым оборотам германских и романских языков. Будучи эмфатическим, экспрессивным образованием, форма *sъbirajetъ* была на том этапе факультативной: во всех случаях можно было обойтись старым *sъberetъ*, которое могло еще обозначать и протекающее действие (**se съberetъ* 'вот он собирает'), и действие итеративное (**često съberetъ* 'часто собирает'). Появление форм типа *sъbirajetъ*, *sъbirati* было рождением НСВ. Но его противочлен, СВ, еще не сформировался в то время. НСВ противостоял как эмфатическая и факультативная форма «нейтральному виду», приблизительно так же, как в современном английском форма прогрессива (впрочем, в некоторых положениях уже ставшая обязательной) противопоставит «общему виду», так называемому разряду «Indefinite».

В дальнейшем НСВ все больше расширяет свое употребление, его эмфатичность сглаживается и постепенно он полностью завоевывает всю семантическую зону «действия в процессе протекания». Соответственно «нейтральный вид» шаг за шагом вытесняется из этой зоны, употребление форм *въnesti*, *uletěti*, *sъbъrati* суживается, наконец, до случаев действительного достижения результата действия, и тем самым «нейтральный» вид превращается в совершенный. С этого момента *въnesq*, *sъberq* и т. д. уже не могут служить ответом на вопрос «что это ты делаешь?», а соответствующие инфинитивы не могут сочетаться с обозначениями фаз действия (*načeti*, *konьčiti* и т. п.). С этого момента мы уже имеем дело с противостоянием им-

перфектив : перфектив, т. е. с современной категорией вида, однако еще не с полностью готовой системой вида, поскольку видовая оппозиция охватывает на этом этапе только часть глагольной лексики.

Следующий шаг состоял в том, что категорией вида были охвачены и неопределенные глаголы. Как и следовало ожидать, они вошли в состав НСВ. Те из них, которые во всех контекстах были исключительно неопределенными, образовали группу глаголов *imperfectiva tantum*; те же, которые в подходящем контексте могли получать предельное значение (например, *dělati*), начинали для более четкого выражения этого значения соединяться с приставками (ср. *sъdělati*). Так возникал новый морфологический тип «видовых пар», обычно не совсем «чистых» (тип *dělati : съdělati*), в которых имперфективный член содержит основу внешне нехарактеризованную в аспектуальном отношении, а перфективный — ту же основу в сочетании с приставкой «ослабленного» значения, так называемой пустой (*pré-verbe vide*). Как в процессе возникновения вида, так и в последующем его развитии этот тип «пар» играет второстепенную роль, хотя область его позже несколько расширяется за счет случаев отбрасывания приставки (депревербации).

С постепенным распространением категории вида на весь наличный состав глаголов семантическое содержание этой категории мало-помалу изменяется. Значение НСВ становится все более широким. В конце концов НСВ из положительного члена оппозиции превращается в ее отрицательный член, в своего рода нейтральный фон видового противопоставления. И, напротив, СВ, функционировавший первоначально как фон, как «нейтральный вид», становится положительным, семантически наиболее весомым членом оппозиции. К концу общеславянского периода эта стадия развития в основном достигнута, хотя многочисленные пережитки старых отношений преодолеваются лишь позже в самостоятельной эволюции отдельных славянских языков.

Остается подвести итоги. Процедура, обычно называемая «перфективацией», т. е. присоединение к глагольной основе приставки или назального суффикса, создает лишь предпосылки позднейшей эволюции в направлении к категории вида. Эта процедура ведет к возникновению группы предельных глаголов, общей у славянских языков со многими неславянскими. Только из позднейшего расщепления глагольной предельности возникает специфическое явление славянских языков — категория СВ/НСВ. Само расщепление заключалось в том, что для эмфатического подчеркивания значения

протекающего процесса стали отчасти прибегать к готовым, имевшимся в языке основам предельно-неопределенной семантики, отчасти же создавать основу подобной структуры по аналогии. Именно создание таких основ и называют суффиксальной имперфективацией. Таким образом, из суффиксальной имперфективации возник несовершенный, а затем — по контрасту с ним, как его противочлен, и совершенный вид.

Лишь позже, по мере распространения категории вида на всю глагольную лексику, рядом с суффиксальной имперфективацией появляются и другие приемы маркировки видовых основ — прибавление относительно «пустой» приставки, имперфективация с помощью опущения приставки (депревербация), в отдельных случаях — супплетивизм. Однако именно суффиксальная имперфективация была и остается по сей день главным стержнем всего морфологического механизма глагольного вида во всех без исключения славянских языках¹⁸⁴.

¹⁸⁴ Одновременно с этой статьей в другом журнале была опубликована статья: *Schelesniker H. Entstehung und Entwicklung des slavischen Aspektsystems // Die Welt der Slaven. 1959. Jahrgang 4. Heft 4. S. 390—409.* Г. Шелесникер тоже считает, что славянская система вида «возникла не из префиксации, а из суффиксации» (с. 404), на основе потребности «представлять в процессе развития такие действия, которые (...) ограничены во времени» (с. 405), т. е. процессуализировать предельные действия. Однако он не говорит о существовании в «довидовой» период двух отдельных корреляций — П/НП п О/НО и образование оппозиции СВ : НСВ рассматривает как своего рода «достройку» оппозиции аорист : имперфект.